

Укоренение в российской повседневности начала XVIII в. западноевропейских интеллектуальных практик нового типа (на примере Феофана Прокоповича)

И.Ю. Хрулёва

Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова

В центре данного исследования – взгляды Феофана Прокоповича, уникального православного мыслителя, испытавшего очевидное влияние на формирование его мировоззрения идей протестантского и католического Просвещения. Рассуждая о Просвещении, современная историография акцентирует внимание на многогранности феномена, предпочитая говорить о Просвещениях, в том числе о религиозном, или конфессиональном Просвещении, направленном на переосмысление роли религии и церкви. Религиозное Просвещение было общеевропейским феноменом, охватившим протестантизм, католичество, иудаизм и православие; оно выросло из стремления создать разумную религию, свободную от суеверия и служащую обществу. Интеллектуальное движение религиозного Просвещения стремилось примирить натурфилософию XVII–XVIII вв. с религиозным мировоззрением, одновременно преодолевая крайности религиозного фанатизма, с одной стороны, нигилизма и безбожия – с другой. Процесс формирования новой интеллектуальной среды отмечен сосуществованием и взаимовлиянием самых разных, порой плохо совместимых традиций, их трансформацией и видоизменением.

Всесторонне аргументируя необходимость неограниченного самодержавия в России, Феофан Прокопович в своих сочинениях активно использовал дискурс Просвещения, рассуждая о проблеме происхождения государства, образе правления, границах власти монарха, правах и обязанностях подданных. На примере Феофана Прокоповича мы можем говорить о возникновении и укоренении в российской повседневности интеллектуальных практик нового типа. Интеграция западноевропейских идей и практик в отечественную культуру была неоднозначной, многогранной и зависела от их адаптации к социально-политическому пространству России. Прекрасно знакомый с сочинениями европейских авторов XVII – начала XVIII вв., этот религиозный мыслитель скорее воспринял формальную

УДК: 321.015

Поступила в редакцию: 03.02.2022

Принята к публикации: 14.12.2022

сторону их рассуждений на общественно-политическую тематику, адаптировал для российской образованной публики концептуальный глоссарий западноевропейского Просвещения, открывавший возможности для того, чтобы по-новому говорить о политике.

Ключевые слова: Просвещение, православие, Феофан Прокопович, Пётр I, интеллектуальный трансфер, естественно-правовая теория

XVIII век – это век колоссального по своим масштабам государственного и общественного переустройства, идеологию которого Россия черпала в известной мере с Запада. В отличие от западноевропейского Просвещения, «ратовавшего за определённый набор идей, которые должны были быть реализованы посредством социальных и политических перемен», русское Просвещение скорее подчёркивало «духовное развитие и моральное совершенствование индивида» (Wirtschaftler 2010: 180). Поэтому понятно, сколь значимую роль проводников новых идей играло просвещённое православное духовенство.

По справедливому замечанию О.А. Цапиной, «исследователи русской культуры конца XVII–XVIII вв. обычно сосредотачивали своё внимание на обмирщении культуры. В результате православие не только оказывалось за рамками Просвещения, но и сознательно отстранялось от него как от «абсолютно чуждой для неё светской культуры». Тем не менее исследования последних десятилетий показали, что православная церковная культура играла важную роль в формировании литературных образов, эстетических идеалов и философских концепций, а отношения православия и светской литературы представляли собой скорее диалог нежели противостояние» (Цапина 2004: 303).

Рассуждая о Просвещении – «европейском универсальном феномене, приспособляющемся к различным временным и культурным обстоятельствам» (Рикуперати 2003: 28) – современная историография акцентирует внимание на многогранности феномена, предпочитая говорить о Просвещениях, в том числе о религиозном, или конфессиональном, направленном на переосмысление роли религии и церкви¹. Религиозное Просвещение было общеевропейским явлением, которое охватило протестантизм, католичество, иудаизм и православие, и выросло из стремления создать разумную религию, свободную от суеверия и служащую обществу (Sorkin 2008; Sheehan 2005; Eijnatten 2009; Bradley, Van Kley 2001). Интеллектуальное движение религиозного Просвещения стремилось примирить натурфилософию XVII–XVIII вв. с религиозным мировоззрением, одновременно пытаясь преодолеть крайности религиозного фанатизма, с одной стороны, нигилизма и безбожия – с другой. Процесс формирования новой

¹ О многогранности феномена Просвещения см. (Edelstein 2010; Росоцк 2008: 94–95).

интеллектуальной среды отмечен сосуществованием и взаимовлиянием самых разных, порой плохо совместимых традиций, их трансформацией и видоизменением.

Западноевропейский интеллектуальный трансфер XVIII в. не изменил русскую общественную мысль в одночасье. Дискуссия о взаимовлиянии культур в рамках общеевропейского пространства, о трансфере и адаптации европейских идей в российском историческом контексте XVIII в. выступает одной из центральных тем современной исторической науки и подразумевает, в числе прочего, изучение истории книги, её авторов, переводчиков, издателей, торговцев, покупателей, подписчиков, читателей и т.д. Чтобы отследить трансфер идей, нужно располагать информацией о точке отсчёта, пути и принимающей стороне. Привычные формулировки «идеи распространялись» или «Просвещение повлияло» вряд ли могут помочь в поиске ответа на вопрос, насколько органично Россия вписалась в ту эпоху в общеевропейское политическое и культурное пространство. Как и в какой мере идеи европейского Просвещения проникли в Россию? Как они были адаптированы? В чём специфика их усвоения? Кто их главные носители?

Сам по себе факт присутствия того или иного сочинения в библиотеке или перевода книги на русский язык не позволяет судить о состоявшемся интеллектуальном трансфере. Например, произведение Джона Локка «Два трактата о правлении», изданное в Англии в 1690 г., появилось в русском переводе с французского издания в 1720-е гг. Автором перевода был, предположительно, князь Д.М. Голицын либо его сын С.Д. Голицын. Сочинение Локка не имело успеха в России; оно не встретило одобрения Петра I, посчитавшего, что чтение подобных сочинений порождает «странные, с мудростью и пользой государства несогласные рассуждения» (цит. по: Польской 2002: 107).

Сочинения западноевропейских авторов могли существовать в русском интеллектуальном пространстве в виде рукописных переводов, заказанных представителями светской и церковной элиты. Наконец, растущее число россиян могли читать иностранные сочинения в оригинале. В период правления Петра I молодые дворяне путешествовали за границу для получения европейского образования и в ходе обучения (и самообразования) могли знакомиться с западноевропейской общественно-политической мыслью. Что касается печатных публикаций, то российская политическая культура тяготела к нравоучительным наставлениям, инструкциям о добродетельной жизни, историческим описаниям. Как убедительно показали российские исследователи К.Д. Бугров и М.А. Киселёв, «доктрины не перемещались из европейского контекста в российский сами собой – по мановению волшебной палочки, а влияние европейской литературы вовсе не сводилось к абстрактному «Просвещению», являя собой на деле сложный конгломерат, где доминировала религиозная и моралистическая литература» (Бугров, Киселёв 2016: 54).

Говоря о петровской модернизации, исследователи обычно указывают на её верхушечный характер и отмечают, что она привела к культурному расколу общества, к возникновению двух, часто противостоящих друг другу, культур, из которых одна начала динамично развиваться, а другая осталась фактически законсервирована. В роли главного потребителя передовой европейской науки и культуры выступала придворная среда, в то время как жизнь рядового помещика даже второй половины XVIII в. характеризовалась противоборством старого и нового укладов, причём инновации касались преимущественно внешних сторон бытовой жизни, в то время как семейные отношения, занятия, менталитет провинциалов определяли, в основном, древнерусские традиции и реалии крепостной России. «Однако реформы, осуществлённые в России XVIII в., в той или иной степени затрагивали всё население страны, определяли его жизнь и меняли её. Если мы говорим об успехе реформ, то речь может идти об изменении ценностных ориентиров общества» (Кулакова 2014: 383).

Полемика религиозного Просвещения часто сосредоточивалась не столько на борьбе с «ересями», сколько на обосновании политики веротерпимости (хотя, разумеется, и с существенными ограничениями). Первостепенное значение придавалось очищению религиозной практики от суеверия, которое зачастую понималось достаточно широко. Родоначальником новой традиции рационалистического осуждения суеверий по праву может считаться Феофан Прокопович (1681–1736), ставший главным идеологом государственно-политических преобразований Петра I. Он неизменно придерживался насмешливо-уничижительного тона при описании «суеверных бредней», «от самых безумных и недобровоспитанных несмыслов вымышленныя бредни и шалости» (цит. по: Смилянская 2004: 207).

Формирование взглядов Феофана Прокоповича

Феофан Прокопович – один из интереснейших представителей православной интеллектуальной традиции, чья деятельность и творчество нередко вызывают противоречивые оценки исследователей (Бугров 2020; Бухаркин 2009; Буранок 2005; Соловьев 2015; Ничик 1977; Винтер 1966; Гурвич 1915). Поворотным моментом в духовном развитии Феофана Прокоповича стало пребывание в Риме около 1700 г., где он «смог наблюдать зарождение католического Просвещения и стал свидетелем кризиса схоластики» (Винтер 1966: 44). В период преподавательской деятельности в Киево-Могилянской академии (1705–1706), полемизируя с классической схоластической теологией, он постепенно оттачивает собственную концепцию, в которой ключевыми понятиями становятся «ясность», «зрение», но главное – «свет», который он противопоставляет мраку невежества и слепоте глупости.

Исследователи обращают особое внимание на существование у Феофана Прокоповича определённой концепции исторического развития, которая также

начала формироваться в киевский период его творчества – он даже ввёл в свой лекционный курс Киево-Могилянской академии раздел «О методе писания истории» (Ничик 1977: 149-150). Отмечая безусловный авторитет Феофана Прокоповича в формировании исторического сознания российской интеллектуальной элиты, К.А. Соловьёв приходит к выводу, что «в этом смысле, вероятно, можно предполагать, что исторический нарратив середины XVIII в, и в “литературной”, и в научной его плоскости, находился под серьёзным влиянием как творчества Феофана Прокоповича, так и его личности, взглядов, представлений, воспринятых учениками и младшими современниками» (Соловьёв 2015: 98).

Обращаясь к средневековой русской истории, Феофан Прокопович рассуждает о полномочиях правителя, его «добродетели»; среди главных задач власти он выделяет «расширение территории государства и защиту гравославия». На примере Ярослава Мудрого он формулирует ещё одну ключевую задачу правителя – просвещение народа. Наибольших успехов на этом поприще, по мнению Феофана Прокоповича, добился Пётр I – просвещённый образ Петра создаётся «упоминанием не только Славяно-греко-латинской академии, которой Пётр придал статус государственной, но и похвалой расширению круга “учительных людей”». Таким образом, по мнению К.А. Соловьёва, оставаясь в русле церковно-славянской традиции, Феофан Прокопович «попытался использовать образы прошлого не только для укрепления единства власти и православия (что для его главного слушателя – Петра I, звучало, по меньшей мере, архаично), но и для создания на основе старой традиции новых смыслов, лежащих в области светского просвещения и прогресса» (Соловьёв 2015: 104-105).

Всесторонне аргументируя необходимость неограниченного самодержавия в России, Феофан Прокопович, тем не менее активно использовал дискурс Просвещения, рассуждая о проблеме происхождения государства, образе правления, границах власти монарха, правах и обязанностях подданных. На примере Феофана Прокоповича мы можем говорить о возникновении и укоренении в российской повседневности интеллектуальных практик нового типа. Интеграция западноевропейских идей и практик в отечественную культуру была неоднозначной, многогранной и зависела от их адаптации к социально-политическому пространству России. Исследователи, изучающие наследие Феофана Прокоповича, как правило, упоминают имена Гуго Гроция, Самуэля фон Пуфендорфа и Томаса Гоббса среди тех авторов, кто оказал влияние на автора «Правды воли монаршей» (Бугров 2020: 102; Гурвич 1915: 91; Ничик 1977: 148; Whittaker 2003: 56-57). Прекрасно знакомый с сочинениями европейских авторов XVII – начала XVIII вв., Феофан скорее воспринял формальную сторону их рассуждений на общественно-политическую тематику, адаптировал для российской образованной публики их концептуальный глоссарий, открывавший возможности для того, чтобы по-новому говорить о политике. «Каждый такой глоссарий не предполагал резко очерченной доктрины, а был скорее инструментом,

позволявшим доказывать ту или иную точку зрения или интерпретировать те или иные предметы особенным образом» (Бугров, Киселев 2016: 9).

Вскоре по прибытии в Петербург в 1716 г. Феофан Прокопович прочитал три проповеди. В первой из них – «Слово в неделю осмуонадесять, сказанное во время присутствия его царского величества, по долгом странствии возвратившагося» – он провозгласил значимость путешествия Петра I в Европу с точки зрения просвещения народа и улучшения системы управления государством: «... странствование дивно объясняет разум к правительству и есть лучшая и живая честной политики школа». По мнению Феофана Прокоповича, именно путешествуя, «благоразумный человек видит многоизменные фортуны игра-ния и учится кротости, видит вины благополучий и учится правилу, видит вину злочключений и учится бодрости и оберегательства, зрит же в чуждых народах, аки в зеркале, свои собственные и своего народа и исправления и недостатки» (Прокопович 1961а: 65). Феофан восторгается любознательностью монарха и его стремлением обрести новые знания: «то бо воистину любомудрие: никогда же приобретенным вещей познанием довольтися, но большего всегда света по-исковати» (Прокопович 1961а: 66).

Естественно-правовая концепция Феофана Прокоповича

В своих проповедях Феофан Прокопович постоянно использовал отсылки к естественному праву, рассуждал о «естественном разуме», который позволя-ет человеку понимать очевидные истины («доводов больших не требует»). При этом понятия «естественный закон» и «естественный разум» в проповеди «Сло-во в день рождения Господа нашего Иисуса Христа» носили богословский ха-рактер (Прокопович 1760: 125-126).

Рассуждая об источниках естественного права, Феофан отдаёт первенство «общественным инстинктам» людей и высказывает мысли, близкие к концепции Пуфендорфа, чьё сочинение – «De officio hominis et civis iuxta legem naturalem» – по поручению Синода было переведено на русский язык Иваном Кречетовским и разрешено к печати лично Петром I (Пуфендорф 1721; Доронин 2008: 37). Со-гласно Феофану, государственная власть необходима прежде всего, для того, чтобы не нарушался естественный закон, чтобы охранять человеческое обще-ство от злых страстей, точно так же, как гражданское право нужно для сохра-нения естественного закона: «властей не хотети, — пишет мыслитель, — есть хотети погибели человеческой» (Прокопович 1961б: 83). «Верховная в человецех власть сия-то есть и злострастием человеческим узда и человеческого сожитель-ства ограда, и обережение, и заветренное пристанище. Если бы не сие, уже бы давно земля пуста была, уже бы давно исчез род человеческий. Злобы челове-ческие понудили человек во един общества союз и сословие собиратися, и при-держажими властью, силою, от всего народа, паче же от самого бога данною,

вооруженными хранить и заступати себе как от внешних супостатов, так и от внутренних злодеев» (Прокопович 1765: 73).

В проповеди «Слово о власти и чести царской», произнесённой 6 апреля 1718 г., Феофан Прокопович вновь рассуждает о «естественных законах», доказывая главенство и незыблемость самодержавной власти: «Зри же аще не в числе естественных законов есть и сие, еже были властем предрержащем в народах? Есть тако воистинну! И се всех законов главизна» (Прокопович 1961б: 81-82). Власть в интерпретации Феофана Прокоповича оказывается главным гарантом соблюдения естественных законов: «с одной стороны велит нам естество любите себе и другому не творити, что нам не любо, а со другой стороны злоба рода растленного разоряти закон сей не сумнится, всегда и везде желателен был страх, и защитник, и сильный поборник закона, то есть державная власть» (Прокопович 1961б: 82-83). Рассуждения в духе естественно-правовой теории Феофан насыщает выдержками из Священного писания: с одной стороны, «власть державная естественному закону есть нужна», с другой – «яко власть верховная от самого естества начало и вину приемлет. Аще от естества, то от самого бога, создателя естества» (Прокопович 1961б: 82). Неподчинение «наследной власти» монарха есть нарушение естественного закона и неподчинение Божественной воле. Восстание против власти чревато многочисленными несчастьями: «грех сей влечет за собою тучу, и бурю, и облак страшный бесчисленных бед. Не легко со престола сходят царие, когда не по воле сходят. Тотчас шум и трус в государстве: больших кровавое междоусобие, меньших добросовестных вопль, плач, бедствие, а злонравных человек, аки зверей лютых, от уз разрешенных, вольное всюду нападение, грабительство, убийство». Свои выводы Феофан Прокопович подкрепляет примерами из истории, прежде всего, российской, утверждая, что «опровергаемым властем верховным, колеблется к падению все общество. И сия болезнь в государствах мало когда не бывает к смерти их, яко же можно видети от всемирных историй» (Прокопович 1961б: 92).

Обоснование абсолютистского характера государственной власти – неделимость власти монарха, отрицание права подданных на восстание, которые мы находим в проповедях Феофана Прокоповича, во многом созвучны идеям Томаса Гоббса, изложенным в его «Левиафане». Как и в работах английского политического мыслителя, в проповедях Феофана Прокоповича очевидно «противоречие между традиционными представлениями, естественно-правовой теорией и эмпирическими рассуждениями; он просто использовал любую теорию, подходящую к его убеждениям, обосновывая безоговорочное подчинение власти монарха» (Hamburg 2016: 266). По справедливому замечанию К.Д. Бугрова, «политическая мысль Феофана оставалась эклектичной как по источникам своего формирования, так и по сложному контексту, в котором осуществлялось её функционирование» (Бугров 2020: 106).

Концепция общественного договора в изложении Феофана Прокоповича

Политическая концепция Феофана Прокоповича наиболее последовательно раскрывается в «Правде воли монаршей». Вполне светская картина договорного создания «наследной монархии» дополняется богословскими аргументами: «Ведати же подобает, что народная воля, как в избирательной, так и в наследной монархии, и в протчих правительствах образах, бывает не без собственного смотра Божия ... но Божиим мановением движима действует, понеже ясно учит Священное писание ... что несть власть аще не от Бога. И того ради вся должества, как подданных к Государю своему, так и Государя к добру общему подданных своих, не от единой воли народной, но и от воли Божией происходят» (Правда воли монаршей... 1722: 31-32).

С одной стороны, именно народ своей волей учреждает «наследную монархию» ради «общей пользы». С другой стороны, власть устанавливает Божественная воля, которая действует через народную волю, ибо «несть власти аще не от Бога». Договор, в результате которого было создано государство, не есть основание для восстания против плохого правителя, поскольку народ «не может отменить воли Божией, которая и волю народную двинула ... И тако всяк Самодержавный Государь человеческого закона хранить не должен, кольми же паче за преступление закона человеческого не судим есть: заповеди же Божий хранить должен, но за преступление их самому токмо Богу ответ даст, и от человек судим быть не может. Что все довольно покажем и от разума естественного, и от слова Божия, и древних учителей свидетельством». Согласно логике рассуждений Феофана Прокоповича, «должен терпети народ коелибо монарха своего нестроение, и злонравие: якоже и Дух Святой повелевает, не токмо благим и кротким, но и строптивым повиноватися». Примеры из английской истории середины XVII в. (в частности, рассуждения о неправомерности казни Карла I), которые содержатся в тексте «Правды воли монаршей», представляют ещё один косвенный аргумент в пользу знакомства автора с политической концепцией Томаса Гоббса: «И по тому не может народ судить дела Государя своего, инако бо имел бы еще при себе волю общего правления, которую весьма отложил и отдал Государю своему. И того ради пребеззаконное дело было сильных неких изменников от Парламента Великобританского, над Королем своим Карлом Первым, 1649 года сделанное, от всех проклиняемое, и от самых Англичан уставленным на то повсегодно слезным праздником весьма хулимое, нам же и воспоминания недостойное» (Правда воли монаршей... 1722: 30-31).

Концепцию общественного договора Феофан использует, прежде всего, для того, «чтобы провести грань между разными формами правления и, в частности, между выборной и наследственной монархией. Ведь перед петровским сподвижником стояла сложная задача: одновременно защитить принцип насле-

дования по завещанию и отмежеваться от какой бы то ни было ассоциации с выборной монархией» (Бугров 2020: 106).

Главное противоречие своей политической концепции (безоговорочное повиновение власти монарха, даже если он нарушает договор, заключённый со своим народом), Феофан Прокопович решает, обращаясь к ключевой для европейского Просвещения концепции «общего блага». «Попечение об общей пользе» подданных провозглашается главной задачей любой власти: «власть верховная едину своего установления вину конечную имеет, всенародную пользу» (Правда воли монаршей... 1722: 36). Таким образом, несмотря на то, что естественно-правовая аргументация Феофана Прокоповича была встроена в традиционный богословский дискурс, тем не менее его труды создавали благоприятные условия для полноценного восприятия концепций Просвещения.

Удивительный феномен православного Просвещения – синтез светской и духовной культур, традиционного богословия и западноевропейских интеллектуальных практик нового типа – даёт нам возможность пересмотреть наши представления о едином комплексе идей Просвещения. Действительно, «разрыв между "традиционной православной культурой" и "культурой Просвещения" оказывается далеко не таким драматическим, главным образом потому, что "православная культура" была не такой "традиционной", и "Просвещение" – не таким революционным, как это изначально представлялось» (Цапина 2004: 313).

Политическая концепция Феофана Прокоповича, отличавшаяся известным эклектизмом, сочетанием светских и теологических доводов, оказала заметное влияние на развитие русской политической мысли. На примере Феофана Прокоповича мы видим, что рецепция западноевропейских идей в России первой четверти XVIII в. была активным процессом культурного трансфера, сопровождавшегося отбором, внесением поправок, адаптацией.

Об авторе:

Ирина Юрьевна Хрулёва – кандидат исторических наук, доцент кафедры новой и новейшей истории стран Европы и Америки исторического факультета МГУ имени М.В. Ломоносова. Российская Федерация, 119192, г. Москва, Ломоносовский проспект, д. 27, корп. 4. E-mail: irinakhruleva@mail.ru.

Конфликт интересов:

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

UDC: 321.015
Received: February 3, 2022
Accepted: December 14, 2022

Western European Intellectual Practices of a New Type in Russian Everyday Life at Early 18th Century (case of Feofan Prokopovich)

I.Yu. Khruleva
[DOI 10.24833/2071-8160-2022-6-87-166-178](https://doi.org/10.24833/2071-8160-2022-6-87-166-178)

Lomonosov Moscow State University

Abstract: The focus of this study is the views of Feofan Prokopovich, a unique Orthodox thinker whose world outlook was shaped by an obvious influence of the ideas of the Protestant and Catholic Enlightenment. Talking about the Enlightenment, modern historiography focuses on the versatility of the phenomenon, preferring to talk about the Enlightenment, including the religious or confessional Enlightenment, aimed at rethinking the role of religion and the church. The Religious Enlightenment was a pan-European phenomenon that embraced Protestantism, Catholicism, Judaism, and Orthodoxy, and grew out of the desire to create an intelligent religion free of superstition and serving society. The intellectual movement of the religious Enlightenment sought to reconcile the natural philosophy of the 17th-18th centuries with a religious worldview, while trying to overcome the extremes of religious fanaticism, on the one hand, and nihilism and godlessness, on the other. The process of forming a new intellectual environment is marked by the coexistence and mutual influence of the most diverse, sometimes poorly compatible traditions, their transformation and modification. Comprehensively arguing the need for unlimited autocracy in Russia, Feofan Prokopovich, nevertheless, actively used the discourse of the Enlightenment in his writings, discussing the problem of the origin of the state, the mode of government, the boundaries of the power of the monarch, the rights and duties of subjects. On the example of Feofan Prokopovich, we can talk about the emergence and rooting of intellectual practices of a new type in Russian everyday life. The integration of Western European ideas and practices into Russian culture was ambiguous, multifaceted and depended on their adaptation to the socio-political space of Russia. Being well acquainted with the works of European authors of the 17th - early 18th centuries, he rather took on the formal side of their discussions on socio-political topics, adapted a conceptual glossary that was new for the Russian educated public, which opened up opportunities for talking about politics in a new way.

Keywords: Enlightenment, Orthodox Religion, Feofan Prokopovich

About the author:

Irina Y. Khruleva – Candidate of Historical Sciences, Associate Professor, Department of Modern and Contemporary History, School of History, Moscow State University. Russia, 119192, Moscow, 27-4 Lomonosovskiy Prospect. E-mail: irinakhruleva@mail.ru

Conflict of interest:

The author declares absence of conflict of interests.

References:

- Edelstein D. 2010. *The Enlightenment: A Genealogy*. Chicago: University of Chicago Press. 224 p.
- Eijnatten J. van, ed. 2009. *Preaching, Sermon and Cultural Change in the Long Eighteenth Century*. Leiden, The Netherlands: Brill. 413 p.
- Hamburg G.M. 2016. *Russia's Path toward Enlightenment. Faith, Politics, and Reason, 1500-1801*. New Haven, Connecticut: Yale University Press. 912 p.
- Bradley J.E., van Kley D.K. ed. 2001. *Religion and Politics in Enlightenment Europe*. University of Notre Dame Press. 424 p.
- Pocock J.G.A. 2008. Historiography and Enlightenment: A View of Their History. *Modern Intellectual History*. 5(1). P. 83-96.
- Sheehan J. 2005. *The Enlightenment Bible: Translation, Scholarship, Culture*. Princeton, New Jersey: Princeton University Press. 296 p.
- Sorkin D. 2008. *The Religious Enlightenment: Protestants, Jews, and Catholics from London to Vienna*. Princeton, New Jersey: Princeton University Press. 360 p.
- Whittacker C. 2003. *Russian Monarchy. Eighteenth-Century Rulers and Writers in Political Dialogue*. De Kalb: Northern Illinois Univ. Press. 320 p.
- Wirtschafter E.K. 2010. Religion and Enlightenment in Eighteenth-Century Russia: Father Platon at the Court of Catherine II. *The Slavonic and East European Review*. 88(1/2). Personality and Place in Russian Culture (January/April 2010). P. 180-203.
- Bugrov K.D., Kiselev M.A. 2016. *Estestvennoe parvo i dobrodetel: integratsiia evropeiskogo vliyaniya v roissiskuyu politicheskuyu kulturu XVIII v.* [Natural Law and Virtue: The Integration of European Influence into 18th-Century Russian Political Culture]. Yekaterinburg: Ural University Press. 480 p. (In Russian)
- Bukharkin P.E. 2009. Feofan Prokopovich i dukhovno-intellektual'nye dvizheniia petrovskoi epochi [Feofan Prokopovich and the Spiritual and Intellectual Movements of the Petrine Age]. *Hritianskoje chteniye*. №9–10. P. 100–121. (In Russian)
- Buranok O.M. 2005. *Russkaya literatura XVIII veka: Petrovskaya epokha. Feofan Prokopovich*. [Russian Literature of the 18th Century: the Petrine era. Feofan Prokopovich]. 333 p. (In Russian)
- Doronin A.V. (comp.) 2008. «Vvodya nray i obychai Yevropeyskiye v Yevropeyskom narode». *K probleme adaptatsii zapadnykh idey i praktik v Rossiyskoy imperii* [«Introducing European manners and customs in the European people». To the Problem of Adaptation of Western Ideas and Practices in the Russian Empire]. 255 p. (In Russian)
- Gourvitch G.D. 1915. «Pravda voli monarschei» Feofana Prokopovicha i ee zapadnoevropeiskie istochniki [Pravda Voli Monarschei of Feofan Prokopovich and its Western European Sources]. Yuryev: K. Mattisen. 111 p. (In Russian)
- Kulakova I.P. 2014. Rossiyskaya intellektual'naya traditsiya XVIII – nachala XIX v. [Russian Intellectual Tradition of the 18th – Early 19th Centuries] *Idey i lyudi: intellektual'naya kul'tura Yevropy v Novoye vremya* [Ideas and people: the intellectual culture of Europe in modern times]. P. 382-435 (In Russian)
- Nichik V.M. 1977. *Feofan Prokopovich*. Moscow: Mysl. 192 p. (In Russian)

Pol'skoy S.V. 2002. Politicheskiye idei Dzhona Lokka v Rossii pervoy poloviny XVIII veka [Political Ideas of John Locke in Russia in the First Half of the 18th Century]. *Filosofskiy vek. Al'manakh 19. Rossiya i Britaniya v epokhu Prosveshcheniya: Opyt filosofskoy i kul'turnoy komparativistiki*. [Philosophical Age. Almanac 19. Russia and Britain in the Age of Enlightenment: An Experience in Philosophical and Cultural Comparative Studies]. P. 107-114. (In Russian)

Pravda voli monarshej vo opredelenii naslednika derzhavy svoej [The Truth of the Will of the Monarch in Determining the Heir of His Power]. 1722. Moscow: Moscow. type. (In Russian)

Prokopovich F. 1760. «Slovo v den' rozhdeniya Gospoda nashego Iisusa Hrista» ["A Word on the Birthday of our Lord Jesus Christ"]. *Words and speeches instructive, praiseworthy and congratulatory. Part 1*. Saint Petersburg. (In Russian)

Prokopovich F. 1765 *Slova i rechi pouchitel'nyya, pohval'nyya i pozdravitel'nyya* [Words and Speeches Instructive, Praiseworthy and Congratulatory]. *Part III*. Saint-Petersburg. (In Russian)

Prokopovich F. 1961a. Slovo v nedelyu osmuyunadesyat', skazannoe vo vremya prisutstviya ego carskogo velichestva, po dolgom stranstvii vozvrativshagosya [A Word in the Seventh Week for Ten, said During the Presence of His Royal Majesty, who Returned on a Long Journey]. *Sochineniya*. Edited by I.P. Eremin. Moscow. (In Russian)

Prokopovich F. 1961b. *Sochineniya* [Essays]. Edited by I.P. Eremin. Moscow. (In Russian)

Pufendorf S. 1721. *O dolzhnostyah cheloveka i grazhdanina po zakonu estestvennomu* [About the Positions of a Person and a Citizen According to the Natural Law]. Saint Petersburg. (In Russian)

Smilyanskaya Ye.B. 2004. «Suyeveriye» i ratsionalizm vlastey i poddannyykh v Rossii v XVI-II v. ["Superstition" and Rationalism of Authorities and Subjects in Russia in the 18th Century]. *Yevropeyskoye prosveshcheniye i tsivilizatsiya Rossii* [European Enlightenment and Civilization of Russia]. P. 204-211. (In Russian)

Solov'yev K.A. 2015. Obrazy russkoy istorii v oratorskoy proze Feofana Prokopovicha [Images of Russian History in the Oratorical Prose of Feofan Prokopovich] *Khristianskoye chteniye* [Christian reading]. P. 97-120. (In Russian)

Tsapina O.A. 2004. Pravoslavnoye prosveshcheniye – oksymoron ili istoricheskaya real'nost'? [Orthodox Enlightenment – an Oxymoron or a Historical Reality?] *Yevropeyskoye prosveshcheniye i tsivilizatsiya Rossii* [European Enlightenment and civilization of Russia]. P. 301-313. (In Russian)

Vinter E. 1966. Feofan Prokopovich i nachalo russkogo Prosveshcheniya [Feofan Prokopovich and the beginning of the Russian Enlightenment]. *XVIII vek. [18th Century]*. P. 43-46 (In Russian)

Список литературы на русском языке:

Бугров К.Д. 2020. Провидение и власть: политическая мысль Феофана Прокоповича. *Известия УрФУ. Серия 2. Гуманитарные науки*. 22(1(196)). С. 99-111.

Бугров К.Д., Киселев М.А. 2016. *Естественное право и добродетель. Интеграция европейского влияния в российскую политическую культуру XVIII века*. Екатеринбург: Изд-во Урал. ун-та. 480 с.

Буранок О.М. 2003. *Русская литература XVIII века: Петровская эпоха*. Феофан Прокопович. Москва: Флинта. 333 с.

Бухаркин П.Е. 2009. Феофан Прокопович и духовно-интеллектуальные движения Петровской эпохи. *Христианское чтение*. № 9-10. С. 100-121.

Винтер Э. 1966. Феофан Прокопович и начало русского Просвещения. *XVIII век*. Москва, Ленинград. Сб. 7: Роль и значение литературы XVIII века в истории русской культуры. С. 43-46.

Гурвич Г.Д. 1915. «*Правда воли монаршей*» Феофана Прокоповича и ее западноевропейские источники. Юрьев: Тип. К. Маттисена. 111 с.

Доронин А.В. (сост.) 2008. «*Вводя нравы и обычаи Европейские в Европейском народе*». К проблеме адаптации западных идей и практик в Российской империи. Москва: Российская политическая энциклопедия. 255 с.

Кулакова И.П. 2014. Российская интеллектуальная традиция XVIII – начала XIX в. *Идеи и люди: интеллектуальная культура Европы в Новое время*. Под ред. Л.П. Репиной. Москва: Аквилон. С. 382-435.

Ничик В.М. 1977. *Феофан Прокопович*. Москва: Мысль. 192 с.

Польской С.В. 2002. Политические идеи Джона Локка в России первой половины XVIII века. *Философский век. Альманах 19. Россия и Британия в эпоху Просвещения: Опыт философской и культурной компаративистики*. Часть 1. Санкт-Петербург: Санкт-Петербургский Центр истории идей. С. 107-114.

Правда воли монаршей во определении наследника державы своей. 1722. Москва: Моск. тип. С. 31-32.

Прокопович Ф. 1760. «Слово в день рождения Господа нашего Иисуса»

Прокопович Ф. 1765 Слова и речи поучительныя, похвальныя и поздравительныя. Ч. III. Санкт-Петербург.

Прокопович Ф. 1961а. Слово в неделю осмунадесятую, сказанное во время присутствия его царского величества, по долгом странствии возвратившагося. Сочинения. Под ред. И.П. Еремина. Москва.

Прокопович Ф. 1961б. *Сочинения*. Под ред. И.П. Еремина. Москва.

Пуфендорф С. 1721. *О должностях человека и гражданина по закону естественному*. Санкт-Петербург.

Смилянская Е.Б. 2004. «Суеверие» и рационализм властей и подданных в России в XVIII в. *Европейское просвещение и цивилизация России*. Под ред. С.Я. Карпа, С.А. Мезина. Москва: Наука. С. 204-211.

Соловьёв К.А. 2015. Образы русской истории в ораторской прозе Феофана Прокоповича. *Христианское чтение*. №5. С. 97-120.

Цапина О.А. 2004. Православное просвещение – оксюморон или историческая реальность? *Европейское просвещение и цивилизация России*. Под ред. С.Я. Карпа, С.А. Мезина. Москва: Наука. С. 301-313.